

Анна ДОЛГАРЕВА

* * *

С чего бы, говорит, они герои,
Они ж там — из окопа не успели.
А это я захлебываюсь кровью,
Чужой, чужой захлебываюсь кровью,
И бьет арта по дышащей по цели.

Холодный март, бессмысленная высь.
Вот имена, пожалуйста, молись.

Я здесь не женщина, я фотоаппарат,
Я диктофон, я камера, я память,
Я не умею ничего исправить,
Но я фиксирую: вот так они стоят

Еще живые, а потом не очень.
Я не рожу зеленоглазых дочек.
Когда пожар — звоните ноль один.
Поднимет трубку нерожденный сын.

Вы там держитесь, но спасенья нету.
Летят, летят крылатые ракеты.

Мы смерть, мы град, мы рождены для боя,
Мы станем черноземом, перегноем
И птицами в весенней тишине.
С чего бы, говорит, они герои.
Чего ревешь, не плачь, ты на войне.

* * *

Расскажи мне, Расскажи
сказку, больше не могу.
Это человек лежит,
расцветая на снегу.

Анна Долгарева родилась в 1988 году в г. Харькове. Окончила Харьковский национальный университет по специальности «Неорганическая химия» (2010), Луганский государственный университет имени В. И. Даля по специальности «Политология» (2017), Институт прикладной психологии в социальной сфере по специальности «Практический психолог» (2021). По профессии журналист. Лауреат Григорьевской премии (2019), Волошинского конкурса (2022), VIII Международного литературного фестиваля-конкурса «Русский Гофман-2023» и ряда других. Публиковалась в журналах «Дружба народов», «Нева», «Урал», «Крещатик», «Юность», «Дальний Восток», «Аврора» и др. Член Союза писателей России.

Это красным он зацвел,
как цветок, на остановке.
Расскажи мне про котел
(впрочем, лучше про котов)
и про новые винтовки.

По реке плывет топор, прямо до Чугуева.
Ну и пусть себе плывет, он в эвакуацию.

Абрикосы зацвели
рано, не дождавшись марта,
и огонь горит на картах
и на кожице земли.

О земля, сыра постель,
вот мужик; орет сирена,
но стоит он на коленях
посреди трамвайных линий,
и пытается он сына
собирать из запчастей.
Эх, на небе порадей!

По реке плывет топор, прямо до Чугуева.
Ну и пусть себе плывет, может, он за мир вообще.

Города падут во тьму,
на ветру дрожит осина.
Собирай же, дядя, сына
по Донецку по всему.

Он восстанет и пойдет,
он за нас на небе спросит.
Будет лето, будет осень,
как-то выживет народ.

Собери его, родной,
пусть за нас — за грешных, гадких —
он заступится украдкой.
Мама, мама, я в порядке.
Мама, это не со мной.

* * *

и говорит упавшая ракета
на улицу героев сталинграда
нет у меня ни памяти ни света
нет для меня чистилища и ада
я сделана хорошим человеком
вне нации и времени и века

не выходи из дома из постели
лежи в развалинах как хрен на блюде
у мертвых нет ни имени ни цели
и даже пышных похорон не будет
летят летят крылатые качели

мы рождены чтоб сказку сделать бредом
предсмертным бредом окаянных дней
летит летит крылатая ракета
и нет национальности у ней

* * *

Мне сорок, я в Харькове нынче убит,
Разъят, и не собран, и вплавлен в гранит,
И не было больше меня.
Скажите жене — осторожно: гремит,
И снова додали огня.

Я был из Донецка, мне семьдесят пять,
И мало кто будет меня вспоминать,
Чего там меня вспоминать.
Осталась продавленной дома кровать,
К жене подхоронит зять.

Я сын твой и внук под Луганском, и мой
Начертанный путь, предрешенный не мной, —
Врасти в эту землю и лечь.
Я сплю, и не помню я свой позывной,
И спит автомат у меня под щекой,
Смертельный, как русская речь.

* * *

И пока небосвод от снарядов стонет,
Некому поплакаться, помолчать не с кем,
И приходит дед, заваленный в доме
О году пятнадцатом под Донецком.

На рассвете этом, медвяном, дынном,
Он пришел, лишенный тоски и страха,
И стоит у околицы белым дымом,
Прозревая Харьков и Волноваху.

А чего говорит, что ли, снова бомбы,
Не пойму, кому от этого легче.
Навели бы мир, отстроили дом бы,
За меня бы в церкви поставили свечи,

Потому как умер я неотпетый,
Хоронили в спешке под минным роем.
Это век становится волком, это
Сами мы становимся сталью с кровью.

Это русский хтонос, его железо,
И земля перекопана на два метра,
Потому что мы, не бояся смерти,
Щедро делимся ей, и она навесом

Прилетает прицельно, бесслезно, метко,
Сталь и кровь, и нет никакого страха
Только мертвый дед, куря сигаретку,
С грустью смотрит на Харьков и Волноваху.

* * *

Через реку Смородину нет моста.
Это детские сказки: там темнота,
Да густая трава, да дуб опаленный,
Пацаны из двенадцатого батальона,
Павшие под городом с названием Счастье, —
Некуда им возвращаться.

Так и ходят они по этой траве,
И две училки из Горловки ходят по ней,
Завуч и географичка.
Говорят: мы сегодня проходим свет,
Он всего надежнее и сильней,
Подставляйте ему личики.

И у мертвых училок их мертвый класс
Искорежен войной, и небрит, и чумаз,
Подставляет лица под ветер.
И расходится черный мазут темноты,
И они улыбают щербатые рты
И становятся словно дети.

* * *

А все-таки начнется посевная,
За танками поедут трактора,
И мы, возможно, доживем до мая
И выйдем со двора.

Фуфайку зимнюю повесивши на гвоздик,
Пойдем, в чем были, в мае под дождем.
И может быть, зайдем к соседям в гости
И беленькой нальем.

Они лежат — хохол, москаль, еврей —
В одной воронке, с подписью «Здесь люди».
И залпы постсоветских батарей —
Последние салюты.

И Боже мой, никто не виноват,
И завтра принесут гуманитарку.
И старый друг отложит автомат
И на письмо приклеит марку.

* * *

Здесь перемелено, здесь перемолото, «градов» гром,
вот бывший дом, и бывшие люди в нем.
А по развалинам ходит бесхвостый кот
и смятенно орет.

Крик замерзает около синих губ.
Перестань быть мертвым, попробуй есть.
Кот не ест человеческий труп,
не умирай, он даже не сможет тебя поесть.

Снайпер работает неподалеку,
изрешечена разграбленная аптека.
Кот бодает мертвую щеку
бывшего человека.

Встань, поднимись до бывшей квартиры,
где на месте третьего этажа пустота,
словно вокруг — тишина бывшего мира.
Встань, покорми кота.

* * *

За холмом и рекой бахает, бацает.
И полно тут этих холмов и рек.
А в Луганске цветет акация
И у Ксю в коляске маленький человек.

И везет она его, совсем новенького,
Меньше месяца как рожденного на свет,
А рядом идет солдатик, и голова вровень его
С цветами — седыми, и он — сед.

Как брызги шампанские,
Акации соцветия.
Пацаны луганские
Двадцатилетние.

На разгрузке ляжки,
На портрете рамка.
Где ваши мамки?
Я ваша мамка.

Как они уходят за реку Смородину,
За реку Донец, за мертвую воду,
За мертвую мою советскую родину,
За нашу и вашу свободу.

По воде и облакам, как по суше,
На броне машут, несутся тряско.
А все же жизнь продолжается, правда, Ксюша?
И Ксюша катит коляску.

* * *

Ты десять тысяч убила и десять спасла —
Так мне сказал человек, которого я люблю.
Вот такая хреновая арифметика, такой блюз.
Такие дела.

Это, собственно, почему?
Потому что я решила: я спускаюсь во тьму,
Как Персефона в Аид.
Болит.
Потому что я сказала: я на войне.
Не где-нибудь рядом.
И я бежала в подвал под «градом»,
И комроты вез меня, пистолет направив
Туда, откуда смерть приходит без правил.

Да, на войне.
Я на войне.
Ни к чему отпираться мне.
Это я пускала ракеты по Харькову.
Это я лежала под бэхой, пыль отхаркивая.
Я, нежная, любовная, рыжая.
Это я почему-то совсем неуместно выжила.

Где я соврала?
Считай, что нигде.
Красное солнце лежит на черной воде.

Это я не вернулась
В беспорядок московских улиц,
Это я застрелена под Донецком,
Это я лежу под Камышевахой,
Это я хочу говорить, но не с кем,
Это я узнала пределы страха.

Это я засыпана в землю, и никто меня не назвал.
«Грады» бьют на выход, пора в подвал.

Подарил апельсин мне Сашка Урал.

Я не знаю, откуда он взял его на войне,
Я не знаю, почему — мне,
Но вот он лежит, оранжевый —

Завораживает.

* * *

Не смейся, тетя, сделай фотоснимок,
как мальчик во дворе играет в мяч,
И августовский воздух так горяч,
прозрачен так невыносимо.

И целый дом, не раненный еще,
трепещет занавесками на окнах.
Снимай: оно так скоро все поблекнет,
и время начало уже отсчет.

И через восемь лет его я встречу —
подростшего мальчишку без мяча,
но с автоматом — там, где, рокоча,
подходит артиллерии предтеча.

Он будет там, с котенком на руках,
С улыбочивыми полными губами,
уже не мальчик, но еще не камень,
уже бесстрашный — но познавший страх.

Снимай же, тетя, — а теперь и я
затвором щелкну фотоаппарата,
поскольку смерть из мира не изъята,
но в вечности останутся друзья.

* * *

Первому двадцать, второму сорок, отец и сын,
Русые русаки среднерусской тверской полосы,
Цветное фото; *не рыдай мене, Мати,*
Зряци во гробе: смерть была прежде.
Оба неправильно держат свои автоматы.
Ну кто их так держит.

Аптечка говно, натирают берцы,
У старшего уже поизношено сердце,

У младшего условка за хулиганку.
Ходили в дозор спозаранку,
Сын чуть не споткнулся о мину.
Матери только молчи, а то всыплет ремнину.

Пока ты дома ешь манго и пьешь брют,
Они за тебя умрут.
Летняя степь цветущая, пасторальная.
Ладно, чего там я, извини, забудь.
А знаешь, в чем самая жуть?
Им это нормально.

* * *

Андрюха Швед,
Девятнадцать лет.
В магазине не продавали сигареты и водку —
Совсем же дите.
Не надо, говорит, не фоткай,
Дай закурить, тетя.

Вопреки рыданиям матери
Ушел, печали не зная.
Стоял такой с автоматом
На самом краешке мая.

Сигарета в почерневших пальцах,
Рябь на траве, как в воде.
А так бы хоть на фотке остался.
А теперь нигде.

* * *

Мы пена дней, мы талая вода,
Не строй, но стая, дикая дорога,
Мы бурелом, звериная берлога,
Мы вряд ли снова впишемся туда,

Где яблони в Коломенском цветут,
Цветут без нас, мы снова не успеем.
Но наклоняйся к абрикосам спелым.
Сегодня выжил, завтра же — не тут,

Но где-то дальше, может — километром,
А может — за рекой, водой и ветром,
За радужным мостом над городами.

Другие будут юными не нами,

А нами будет неба вещество.
Мы — пена дней эпохи СВО.

* * *

и прислонившись, у стены стою,
считаю вслух, а здесь вокруг все вишни
и яблони, и ничего не слышно,
и ветер гладит голову мою.
так странно жить, так странно и светло,
когда внутри — не яд, тоска и мысли,
не внутренности, кровь и не бухло,
а светлый ветер, радуг коромысла.
конечно, это все неправда, все
иллюзия, придуманная наспех,
пока я здесь стою с башкою настезь,
считаю вслух, и время так несет
легко меня по лету сухотравну.
на самом деле это все неправда.
нет никакого лета, вишен нет,
есть я, больная, грязная, чужая,
стою прилюдно, веки закрывая,
и представляю радугу и свет.
но все-таки, раз я могу представить,
раз, напрягаясь, я могу припомнить,
как вишни на язык кислят, как травы
шуршат и режутся и как во двор из комнат
течет домашний запах — жарка, ужин,
то, значит, это где-то есть во мне,
вот этот плеск дождя по летним лужам,
и озеро, и солнце на блесне.
и я стою, зажмурясь, и считаю,
и солнце светит мне, и я считаю,
и досчитаю вот до десяти —
и все растает здесь, и я растаю,
прости.